

УДК 94(47).044+281.093+271
DOI: 10.17223/2312461X/30/13

«БЕЛЫЙ ЦАРЬ» В РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XVI в.

Андрей Сергеевич Усачев

Аннотация. Рассматриваются особенности употребления в России XVI в. неофициального титула русского государя «белый царь». Б.А. Успенским, В.В. Трапавловым и другими исследователями установлено, что, как правило, он употреблялся выходцами с Востока, а непосредственно в России – исключительно в XVIII–XIX вв. В литературе отмечались отдельные упоминания «белого царя» в более ранних источниках – в Повести о Флорентийском соборе Симеона Сузdalьца (ок. 1447–1448 гг.), Похвальном слове Василию III (ок. 1533–1534 гг.), а также в записках С. Герберштейна и Дж. Флетчера. Автор статьи привлек новый неизвестный источник, в котором фигурирует «белый царь», – запись рукописного Октоиха 1547/48 г. В работе показано, что, скорее всего, его происхождение не было связано с церковной и политической элитой. Делается вывод о том, что неофициальный титул «белый царь» проник в среду переписчиков книг, которые представляли достаточно многочисленные слои русского общества XVI в. – белое и черное духовенство, светских лиц невысокого статуса.

Ключевые слова: история России, XVI в., массовое сознание, «белый царь», записи на книгах, книжная культура

Введение

Целый ряд источников Нового времени именует российского монарха официально непринятым, но, тем не менее, прочно укорененным в массовом сознании титулом – «белый царь». Хорошо известно, что так с XVI в. величали носителя верховной власти в России выходцы с Востока – тюрки и монголы. Об употреблении этого термина, воплотившего в себе идеал государя, непосредственно в России известно существенно меньше. Соответствующие русские источники, как правило, относятся к XVIII–XIX вв. (их обзор см. Трапавлов 2017). Это порой побуждает исследователей предполагать исключительно восточное происхождение понятия «белый царь». В связи с этим закономерен вопрос: насколько широко данный термин был распространен в России более раннего времени? В поисках ответа мы сосредоточим внимание на письменных источниках XVI в. и предпримем попытку определить социальную широту употребления данного понятия в этот период.

Известные упоминания

В литературе уже отмечалось, что применительно к интересующему нас столетию русского самодержца именовали «белым царем», как правило, представители мусульманских народов и лишь в дипломатических документах (например, в русско-ногайской переписке). В XVI в. «белым царем» в них чаще всего называли Ивана IV (Трепавлов 2017: 18–69). В русских письменных источниках XV–XVI вв. данный термин хотя и использовался, но относительно редко¹.

Самым ранним памятником, упоминающим великого князя московского как «белого царя», является Повесть о Флорентийском соборе Симеона Сузальца (Успенский 1996: 389). Она создавалась ок. 1447–1448 гг. лицом, близким к сузальскому епископу Авраамию (они оба принимали участие в работе знаменитого Собора)². В «Повести» Василий II именуется «благоверным и христолюбивым и благочестивым истинным православным великим князем... **белым царем** всея Руси (здесь и далее выделено мною. – А.У.)» (Малинин 1901: Прил. 98). Б.А. Успенский с термином «белый царь» сопоставил упоминание в «Слове избранном... еже на латину» (ок. 1461–1462 гг.) «большего православия и высшего христианства **Белой Руси**» (Попов 1875: 364). По его мнению, «в обоих случаях речь идет о Московском государстве как оплоте истинной веры и источнике благочестия» (Успенский 1996: 389). Хотя, как уже отмечалось в литературе, непосредственная связь терминов «белый царь» и «Белая Русь» неочевидна (Герберштейн 2008б: 340), трудно не согласиться с тем, что речь идет об особых чертах правителя, воплощенных в данном термине. Согласно Б.А. Успенскому, в первую очередь это исключительная роль «белого царя» в деле защиты православия (Успенский 1996: 413). На это, в частности, указывает отмеченный ученым рассказ Конрада Буссова о том, что руководитель первого ополчения Прокопий Ляпунов стал именовать себя «белым царем», защищающим православную веру (Буссов 1961: 157).

Любопытно, что со временем появления в русских источниках «белого царя» также связano нарастание числа упоминаний непосредственно царского титула. Ранее – до середины XV в. – применительно к русским князьям (например, к Борису и Глебу) он использовался, во-первых, крайне редко, во-вторых, исключительно для подчеркивания личных характеристик – прежде всего, благочестия – и с конкретным политическим статусом напрямую связан не был. «Политический» контекст был характерен для применения этого титула лишь по отношению к византийскому императору и хану Золотой Орды (Водов 2002а). Ситуация начала меняться в середине – второй половине XV в. когда данный титул в памятниках письменности стал употребляться чаще и постепенно приобрел вполне определенные политические коннотации.

Они были связаны с утверждением нового статуса великого князя московского в период напряженной борьбы за независимость Русского государства от осколов Золотой Орды (Водов 2002б; Горский 2004: 302–304, 316–318, 321–322; Рудаков 2014: 167–171). Судя по всему, сходным образом обстояло дело и с интересующим нас эпитетом. В.В. Трепавлов, рассмотрев контексты употребления этого термина по отношению к великому князю московскому, заключил, что одним из значений понятия «белый царь» являлось «вольный» государь, т.е. независимый от какой-либо внешней власти, не платящий дань кому-либо (Трепавлов 2017: 47–51).

В.В. Трепавлов указал на еще один источник, упоминающий «белого царя», – Похвальное слово Василию III (Трепавлов 2017: 42). Оно создавалось, по-видимому, вскоре после его кончины (т.е. ок. 1533–1534 гг.). В этом сочинении содержится следующий отрывок:

«Ныне же нашими благочестивыми **белыми руськими цари** – глаголю же славного великого князя премудраго Ивана (III. – А.У.) Василиевичя, иже в своя лета владычествовавшаго божественным рачением попалая противныя и непокоривыя истинне. От сего же славного Ивана родися нашъ государь. Сей славный от славного же и благородный от благороднаго князь великии Василии Ивановичь – **русский белый царь**, самодръжец всея Русии» (Розов 1965: 281).

В конце Похвального слова интересующий нас термин упоминается еще раз: «Сице имат Василие **белый царь**: своим благочестием огнь безбожия погашает» (Розов 1965: 289).

Как видим, данный эпитет адресован Ивану III и Василию III. Хотя в происхождении Похвального слова много неясного (в частности, неизвестно имя его автора), очевидно, что оно вышло из круга достаточно образованных книжников, знакомых с важнейшими памятниками древнерусской оригинальной и переводной литературы. Так, установлено, что в этом сочинении использовался перевод популярного на Западе и Востоке Европы «Поучения благого царства» Агапита, а также «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона³. Для Похвального слова характерен прославляющий Василия III тон, возможно, готовящий почву для его канонизации⁴. Это побуждает автора данного сочинения связывать не только с церковной, но и с политической элитой. Во всяком случае, известно, что примерно через два десятилетия после своего создания Похвальное слово, судя по малому числу сохранившихся списков, не самый распространенный памятник литературы во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XVI в. был привлечен к составлению Степенной книги царского родословия (Дьяконов 1889: 105; Степенная книга... 2012: 386). Ее текст создавался по поручению митрополита Макария духовником Ивана IV благовещенским протопопом Андреем (впоследствии – митрополит Афанасий) при московском Чу-

домом монастыре, вероятно, непосредственно для первого русского царя (Усачев 2009). Любопытно, что автор Степенной книги, заимствуя крупные фрагменты текста Похвального слова Василию III (Степенная книга... 2008: 286–287, 317–318, 321–322), интересующий нас термин не использовал. Это могло быть связано с тем, что в кругах, близких к митрополиту и государю, по каким-то причинам он не закрепился. Последнее хорошо согласуется с отсутствием эпитета «белый» в официальном титуле русского государя в рассматриваемый период. Возможно, это обуславливалось расширением семантического поля понятия «царь», вобравшего в себя те смыслы, которые ранее вкладывались в понятие «белый царь». Эпитет «белый» для книжников круга митрополита Макария был уже излишним. Термина «царь» для них было вполне достаточно для обозначения независимого государя, главной задачей которого являлась защита православия.

Другие письменные памятники русского происхождения по XVI в. включительно, упоминающие «белого царя», неизвестны. Как видим, речь идет об ограниченном круге сочинений, происхождение которых было связано с близкими к церковной и политической элите писателями.

Однако, судя по всему, этот термин был известен не только высокоблагородившим книжникам. Он вращался и в придворной, и, возможно, в приказной среде. На это косвенно указывают записки иностранцев⁵. Посетивший Россию в 1517 и 1526 гг. С. Герберштейн отметил, что «некоторые именуют государя московского **Белым царем**. Я старательно разузнавал о причине, почему он именуется **Белым царем**, ведь ни один из государей Московии ранее не именовался таким титулом... Я полагаю, что как (государь) персов называется ныне по причине красного головного убора “красная голова”, так и те именуются белыми по причине белого головного убора» (Герберштейн 2008а: 97).

Упоминание белого цвета в связи с династией русских государей, правда, с иной интерпретацией, мы находим в сочинении другого известного иностранного дипломата, посетившего Россию в 1588–1589 г., – Дж. Флетчера. Он отметил, что «царский дом в России имеет прозвание **Белого**. Название (как предполагают) происходит от королей Венгерских, и это, кажется, тем вероятнее, что короли Венгерские некогда действительно так назывались» (далее в источнике упомянуты венгерские короли с именем Бела) (Флетчер 1906: 19–20).

Как видим, несмотря на разницу в объяснениях происхождения данного термина, в сочинениях С. Герберштейна и Дж. Флетчера указывается на то, что в России на протяжении всего XVI в. русского государя, по крайней мере «некоторые» (С. Герберштейн), именовали «белым царем», а всю династию – «белой» (Дж. Флетчер). Вполне естественно возникает вопрос: откуда эта информация могла поступить к этим авторам и, соответственно, где или насколько широко она была распространена?

В полной мере ответить на данный вопрос трудно. Очевидно, что источники записок иностранцев могли быть весьма разнообразными, включая сведения из более ранних сочинений о России, рассказы купцов, русских эмигрантов, иностранных дипломатов, высокопоставленных чиновников Польско-Литовского государства и т.д.⁶ Также известно, что, по крайней мере, некоторые англичане во второй половине XVI в. поддерживали неофициальные контакты с представителями русской политической элиты. Например, о подобных контактах с главой Боярской думы кн. И.Ф. Мстиславским упоминает современник Дж. Флетчера Дж. Горсей (Солодкин 2006). Также очевидно, что иностранцы по понятным причинам тесно взаимодействовали со служащими Посольского приказа. Вероятнее всего, информация о «белом царе» могла поступить к иностранцам из придворной или приказной среды. Косвенно на факт бытования интересующего нас термина в среде служилых людей (что особенно интересно, провинциальных) указывает уже упомянутый выше случай с Прокопием Ляпуновым, в критический момент Смутного времени объявившим себя «белым царем».

Читатель вправе спросить: упоминали ли «белого царя» в рассматриваемый период за пределами сравнительно узкого круга представителей церковной и политической элиты (как столичной, так и провинциальной) и служащих приказов?

В литературе уже отмечалось, что «белым царем» русского государя именует целый ряд фольклорных источников. К их числу, в частности, относятся исторические песни XVI–XVIII вв.⁷ В них фигурирует ряд самодержцев, которых иногда именуют «белыми царями» (чаще всего данный эпитет адресовался Ивану IV и Петру I). Рассматривая эти источники, следует иметь в виду, что вне зависимости от времени возникновения записаны они были существенно позднее – в XVIII–XX вв. В них порой отражалась более поздняя терминология, которая могла и не использоваться в период их создания. Например, в исторических песнях, посвященных Ивану IV, фигурируют «пехотные полки», «корпуса», «канониры», «солдаты», «Питер» и прочие явно не характерные для соответствующей эпохи понятия (Исторические песни... 1960: 90, 92–93, 106 и др.). Это заставляет с осторожностью относиться к данному виду источников при определении ареала употребления интересующего нас эпитета в рассматриваемый период. Неизбежен вопрос: есть ли какие-либо письменные источники XVI в., которые указывают на бытование термина «белый царь» за пределами элиты?

«Белый царь» в массовых источниках

В ходе выявления русских рукописных книг, имеющих датированные выходные записи (нами учтено 734 таких манускрипта), мы обра-

тили внимание на, казалось бы, мало чем примечательный манускрипт, содержащий список 1547/48 г. Октоиха. Он дошел в составе Нового собрания рукописной книги ОР РНБ (Ф. 905. № 816) (см.: Новые поступления 1998: 77; Усачев 2018б: № 342). Формат рукописи – 4° (20,1×14) – вполне обычен для списков Октоиха. Подобных манускриптов в российских архивохранилищах сохранились многие сотни. Необычна его выходная запись, выполненная полууставным почерком писца. Она помещена на л. 326 об. (фрагмент листа утрачен). Приведем текст источника полностью:

«[С]ея писана книга при **белом царе** [и п]ри великом князе Иване Васильевиче всея Руси лета 7050 шестаго. А всех тех тортатеи две да [с]орок» (Усачев 2018б. № 342).

Из 734 известных нам датированных выходных записей почти в половине, в 365, в той или иной форме упоминается государь, в период правления которого манускрипт был переписан (порой писцы также приводили имена митрополита и правящего архиерея). Однако его они именуют «великим князем», либо «царем и великим князем». Данная запись является единственной, в которой упоминается «белый царь». Рассматривая происхождение рукописи и, соответственно, определяя ту среду, в которой был зафиксирован интересующий нас термин, обратим внимание на ряд обстоятельств.

1. Рукопись дошла не в составе собрания, в основу которого была положена библиотека какого-либо крупного монастыря или собора (Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Чудова монастырей, Софийского, Успенского или Архангельского соборов), а поступила в государственное архивохранилище из частной коллекции сравнительно недавно (в 1989 г.).

2. С точки зрения техники исполнения и оформления рукопись трудно отнести к шедеврам книжного искусства, которые, как правило, создавались при крупных центрах.

3. Исходя из текста продажной записи 1615 г. на л. 326 об., можно полагать, что книга бытowała за пределами церковной и политической элиты. Ее владельцами, продавцами и покупателями спустя несколько десятилетий после создания выступали далекие от вершины церковной иерархии рядовые священники⁸.

4. Есть основания считать, что писец работал на заказ. На это косвенно указывает приписка о числе тетрадей кодекса, по сути, сообщавшая об объеме проделанной переписчиком работы. Вероятно, данное уточнение было сделано для обоснования цены перед заказчиком⁹. Большинство писцов, работавших на заказ, судя по всему, являлись светскими лицами сравнительно невысокого статуса и представителями белого духовенства (как правило, дьяки, дьяконы и дьячки) (Усачев 2018а: 249–304). Случай выполнения соответствующих поручений ино-

ками или монастырскими слугами за плату, за редчайшим исключением, нам неизвестны¹⁰. Как правило, они работали «по благословению» «своего» игумена (о финансовых условиях их работы нет сведений).

В свете сказанного выше допустимо думать, что, скорее всего, манускрипт создавался за пределами крупного книгописного центра лицом, связь которого с церковной или политической элитой сомнительна.

Рассматривая вопрос о происхождении данного термина в тексте колофона Октоиха 1547/48 г., конечно, следует иметь в виду, что в XVI в. «белым царем» русского государя именовали выходцы с Востока. Могла ли запись быть выполнена одним из них (например, перешедшим на русскую службу новокрещеном)? Известно, что в рассматриваемый период на русской службе находились тысячи татар различного статуса, которые в той или иной степени были знакомы с русским языком¹¹.

Отвечая на этот вопрос, зафиксируем, что степень глубины погружения в православную культуру (тем более книжную) подавляющего большинства находящихся на русской службе выходцев с мусульманского Востока (прежде всего татар) не стоит переоценивать. Судя по всему, даже немногие принявшие православие служилые иноземцы предпочитали демонстрировать лояльность русскому государю на военной или дипломатической службе, а не в культурной или бытовой сфере. С этим, в частности, было связано то, что вклады даже крещенных татар в русские монастыри крайне редки, а случаи их участия в русской книжной культуре в роли заказчиков и тем более писцов неизвестны (Усачев 2019а). В силу этого предполагать восточное происхождение термина «белый царь» в данной записи не приходится.

Скорее всего, запись Октоиха 1547/48 г. была выполнена лицом – духовным или светским – сравнительно невысокого статуса за пределами какого-либо крупного книгописного центра. Речь может идти о сравнительно небольшом монастыре, более или менее значительном городе или сельской местности¹². Несомненно одно: в источнике середины XVI в., происхождение которого, скорее всего, не было связано с церковной или политической элитой, употреблен термин, бытование которого ранее связывалось исключительно с ней, а также с рядом иностранных источников. Не позднее чем через столетие после первого известного нам упоминания в памятнике литературы (ок. 1447–1448 гг.) термин «белый царь» проник в среду переписчиков книг.

Неизбежен вопрос: насколько широко этот термин распространился в рассматриваемый период? Учитывая то, что мы располагаем лишь одним упоминанием термина «белый царь» в писцовой записи, в полной мере ответить на него трудно. В то же время можно обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, на дату создания списка Октоиха 1547/48 г. Она близка ко времени венчания Ивана IV на царство (16 января 1547 г.). В ряде

памятников древнерусской оригинальной и переводной литературы («Поучение благого царства» Агапита, Чин венчания, послания митрополита Макария Ивану IV и др.) этот титул связывался с характеристиками, которыми должен обладать его носитель (Дьяконов 1889: 91–132; Вальденберг 1916; Филюшкин 2006: 82–105). Главной среди них была верность православию. Она, как отмечалось выше, была характерна и для семантики понятия «белый царь». Очевидно, что после 16 января 1547 г. царский титул с различными эпитетами стал употребляться существенно чаще.

Во-вторых, отметим, что на середину XVI в. в России, судя по всему, приходится интенсификация книгописных работ. Вероятно, это было связано с разрушительными для библиотек столицы последствиями Московского пожара лета 1547 г., которые, возможно, ускорили введение книгопечатания (Усачев 2017). На 50-е гг. приходится наибольшее число выявленных нами сохранившихся датированных книг XVI в. Если к этому десятилетию относится около 14,6% от их общего числа, то к 60-м гг. – около 9,7, к 70-м – около 4,6, к 80-м – около 7% (сопоставимыми с 50-ми гг. цифрами мы располагаем лишь применительно к 90-м гг. рассматриваемого столетия – около 14,5%) (Усачев 2019б: 181). Допустимо думать, что с этим и связано то, что Октоих 1547/48 г., в записи которого упомянут сравнительно редко употребляемый термин, относится именно к этому периоду. В 50-е гг. XVI в. книг было переписано и, соответственно, сохранилось существенно больше. Отсутствие известных нам манускриптов, относящихся к другим десятилетиям, с колофонами, упоминающими «белого царя», косвенно указывает на то, что этот термин писцами использовался нечасто.

Заключение

Есть серьезные основания утверждать, что ареал распространения неофициального титула русского государя – «белый царь» – подчеркивающего его независимый статус и особую роль в деле защиты православия, в письменных источниках рассматриваемого периода, по-видимому, был существенно шире, чем это представлялось ранее. Помимо иностранных (как правило, восточных) источников его использовали и в России, начиная, по крайней мере, с середины XV в. При этом речь шла не только о книжниках, связанных с церковной и политической элитой, авторах Повести о Флорентийском соборе и Похвального слова Василию III, но и о писцах, представлявших иные – более многочисленные социальные группы.

Примечания

- ¹ Обзор упоминаний «белого царя» в русских источниках XV–XVI вв. см. (Успенский 1996: 387, 412–413; Филюшкин 2006: 114–117; Трепавлов 2017: 42–43).
- ² Подробнее об истории создания «Повести» см. в (Черепнин 1964).
- ³ Об источниках Похвального слова см. (Дьяконов 1889: 105–107; Розов 1965: 278–279).
- ⁴ Подробнее об этом, а также о некоторых иконографических параллелях, отраженных в Похвальном слове образу Василия III, см. в (Самойлова 1997).
- ⁵ Обзор соответствующих упоминаний см. в (Успенский 1996: 412; Филюшкин 2006: 114–116; Герберштейн 2008б: 340–342; Трепавлов 2017: 47).
- ⁶ Подробнее об источниках информации С. Герберштейна о России см. в (Герберштейн 2008б: 150–173).
- ⁷ Об упоминании русского государя как «белого царя» в русском фольклоре см., например, (Исторические песни 1960: 91, 94–97, 99–102, 104, 106–108, 155 и др.; Успенский 1996: 389–390; Трепавлов 2017: 42–46, 54–58).
- ⁸ См.: «Сию книгу продал поп Сергеи Трех исповедников Гурья, Самонна и Авива Коушлской волости Коляеиньского монастыря чагичьскага у попу Ефсегнею и руку приложил. Лета 7123 года геньваря в 9 день» (Новые поступления 1998: 77).
- ⁹ Известны и другие подобные записи (Усачев 2018а: 302 (№ 65, 298, 304, 459, 573, 578)).
- ¹⁰ О единичных случаях оплаты труда писцов-иноков см. в (Усачев 2018а: 119–120, 247).
- ¹¹ О них см., например, (Martin 2002; Беляков 2011; Селин 2016).
- ¹² О географии переписки книг в России XVI в. подробнее см. в (Усачев 2018а: 59–199).

Литература

- Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань: Мир, 2011.
- Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого и до конца XVII в. Пг.: Тип. А. Бенке, 1916.
- Водов В. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV в. // Из истории русской культуры. Т. 2, кн. 1: Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002а. С. 506–542.
- Водов В. Титул «царь» в Северо-Восточной Руси в 1440–1460 гг. и древнерусская литературная традиция // Из истории русской культуры. Т. 2, кн. 1: Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002б. С. 543–553.
- Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. Т. 1 / под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008а.
- Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. Т. 2 / под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008б.
- Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Дьяконов М.А. Власть московских государей: очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889.
- Исторические песни XIII–XVI веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Малинин В.Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания (историко-литературное исследование). Киев: Тип. Киево-Печерск. Успенск. лавры, 1901.
- Новые поступления в Отдел рукописей РНБ (1989–1993): каталог. СПб.: РНБ, 1998.
- Попов А.Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.). М.: Типография Т. Рисъ, 1875.
- Розов Н.Н. Похвальное слово великому князю Василию III // АЕ за 1964 год. М.: Наука, 1965. С. 278–289.

- Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV в. М.: Квадрига, 2014.
- Самойлова Т.Е.* Новооткрытый «портрет» Василия III и идея святости государя и государева рода // Искусствознание. 1991. № 1. С. 39–58.
- Селин А.А.* Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.) // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, № 3. С. 93–110.
- Солодкин Я.Г.* Тайна «хроник» боярина И.Ф. Мстиславского (К истории частного летописания в России XVI в.) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 945–949.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам.* М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 2.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 3: Комментарий / сост. Г.Д. Ленхофф.* М.: Языки славянских культур, 2012.
- Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017.
- Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009.
- Усачев А.С.* О возможных причинах начала книгопечатания в России: предварительные замечания // Canadian-American Slavic Studies. 2017. Vol. 51, № 2–3. P. 229–247.
- Усачев А.С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018а. Т. 1.
- Усачев А.С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018б. Т. 2.
- Усачев А.С.* Состав заказчиков рукописных книг XVI в. и проблемы формирования русской военно-служилой элиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019а. № 3 (77). С. 70–89.
- Усачев А.С.* Книгописание и проблемы социально-экономического развития в России XVI в. // Российская история. 2019б. № 6. С. 180–201.
- Успенский Б.А.* Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 381–432.
- Филиюшин А.И.* Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006.
- Флетчер Дж.* О государстве русском. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1906.
- Черепнин Л.В.* К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // Средние века. М.: Изд-во АН СССР, 1964. Вып. 25. С. 176–187.
- Martin J.* Tatars in the Muscovite Army during the Livonian War // The Military and Society in Russia, 1450–1917. Leiden: Brill, 2002. P. 365–387.

Статья поступила в редакцию журнала 28 марта 2020 г.

Usachev Andrei S.

THE ‘WHITE TSAR’ IN SIXTEENTH CENTURY RUSSIAN WRITTEN SOURCES

DOI: 10.17223/2312461X/30/13

Abstract. The article examines the usage of the unofficial title ‘White Tsar’ in relation to the Russian tsar in sixteenth century Russia. Boris A. Uspenskii, Vadim V. Trepavlov and other scholars have established that the title was primarily used by the people coming to Russia from the East, and it was not until the eighteenth to the nineteenth centuries that the title started to circulate within the country. In the literature, there are mentions of the ‘White Tsar’ in earlier historical sources, for example, in ‘The Tale about the Florentine Council’ composed by Simeon Suzdalets’(circa 1447–1448), ‘The Eulogy on Vasilii III’ (circa 1533–1534), as well as

in the accounts by Siegmund Herberstein and Giles Fletcher. The article refers to a previously unknown source, in which the ‘White Tsar’ is also mentioned – the colophon from the handwritten Octoechos of 1547 to 1548. It is shown that the origin of the title is unlikely to be associated with the Church or the political elite and is concluded that the term ‘White Tsar’ had originally come from book scribes, who constituted quite a large part of the Russian society in the sixteenth century, including white and black clergy and some categories of secular people.

Keywords: Russian history, sixteenth century, mass consciousness, White Tsar, colophons, book culture

References

- Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov. Prosopograficheskoe issledovanie* [The Chingisides in 16th–17th century Russia. A prosopographical study]. Ryazan': Mir, 2011.
- Bussov K. *Moskovskaja hronika. 1584–1613* [Moscow Chronicles, 1584 to 1613]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1961.
- Val'denberg V.E. *Drevnerusskie uchenija o predelah carskoj vlasti: ocherki russkoj politicheskoy literatury ot Vladimira Svyatogo i do konca XVII v.* [Old Russian teachings on the limits of tsarist power: Essays on Russian political literature from Vladimir the Saint to the late 17th century]. Petrograd: Tip. A. Benke, 1916.
- Vodov V. *Zamechanija o znachenii titula «car» primenitel'no k russkim knjaz'jam v jepohu do serediny XV v.* [Remarks on the meaning of the title ‘Tsar’ in relation to Russian rulers before the middle of the 15th century]. In: *Iz istorii russkoj kul'tury. T. 2. Kn. 1. Kievskaja i Moskovskaja Rus'* [On the history of Russian culture. Vol. 2. Book 1. Kievan and Muscovite Rus']. Moscow: Jazyki slavjanskoy kul'tury, 2002a, pp. 506–542.
- Vodov V. *Titul «car» v Severo-Vostochnoj Rusi v 1440–1460 gg. i drevnerusskaja literaturnaja tradicija* [The title ‘Tsar’ in north-eastern Russia from 1440 to 1460 and the old Russian literary tradition]. In: *Iz istorii russkoj kul'tury. T. 2. Kn. 1. Kievskaja i Moskovskaja Rus'* [On the history of Russian culture. Vol. 2. Book 1. Kievan and Muscovite Rus']. Moscow: Jazyki slavjanskoy kul'tury, 2002b, pp. 543–553.
- Gerbershtejn S. *Zapiski o Moskovii* [Essays on Muscovy]. Vol. 1. Ed. by A.L. Horoshkevich. Moscow: Pamjatniki istoricheskoy myсли, 2008a.
- Gerbershtejn S. *Zapiski o Moskovii* [Essays on Muscovy]. Vol. 2. Ed. by A.L. Horoshkevich. Moscow: Pamjatniki istoricheskoy myсли, 2008b.
- Gorskij A.A. *Rus': Ot slavjanskogo Rasselenija do Moskovskogo carstva* [Rus': From the Slavic settlement to the Muscovite Tsardom]. Moscow: Jazyki slavjanskoy kul'tury, 2004.
- D'jakonov M.A. *Vlast' moskovskih gosudarej: ocherki iz istorii politicheskikh idej Drevnej Rusi do konca XVI v.* [The power of Moscow rulers: Essays on the history of political ideas in ancient Russia through to the late 16th century]. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorohodova, 1889.
- Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov* [The 13th to 16th century historical songs]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960.
- Malinin V.N. *Starec Eleazarova monastyryja Filofej i ego poslanija (istoriko-literaturnoe issledovanie)* [Philotheus, the old man from the Eleazarov monastery and his letters: A historical and literary study)]. Kiev: tip. Kiev-Pechersk. Uspensk. lavry, 1901.
- Novye postuplenija v Otdel rukopisej RNB (1989–1993): catalog* [New arrivals in the Russian National Library Department of Manuscripts, 1989 to 1993: A catalog]. St. Petersburg: RNB, 1998.
- Popov A.N. *Istoriko-literaturnyj obzor drevnerusskikh polemicheskikh sochinenij protiv latinjan (XI–XV v.)* [A historical and literary review of old Russian polemical works against the Latins, 11th to 15th centuries)]. Moscow: Tipografija T. Ris, 1875.
- Rozov N.N. *Pohval'noe slovo velikomu knjazju Vasiliju III* [The Eulogy on the Great Ruler Vasilii III]. In: *Arheograficheskij ezhegodnik za 1964 god* [Archaeological Works, 1964]. Moscow: Nauka, 1965, pp. 278–289.

- Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV v.* [Mongol-Tatars through the eyes of ancient Russian writers in the middle of the 13th to the 15th centuries]. Moscow: Kvadriga, 2014.
- Samojlova T.E. Novootkrytyj «portret» Vasilija III i ideja svyatosti gosudarja i gosudareva roda [The newly discovered ‘portrait’ of Vasiliy III and the idea of his and his family’s sanctity]. In: *Iskusstvoznanie* [Art History]. Moscow, 1991, vol. 1, pp. 39–58.
- Selin A.A. Tatyary-musul’mane i novokreshcheny v Novgorodskoj zemle: formirovanie i funkcionirovaniye maloj social’noj gruppy (konets XVI – nachalo XVII v.) [Tatar Muslims and the newly-baptised in Novgorod: The formation and functioning of a minor social group in the late 16th to the early 17th centuries]. *Quaestio Rossica*, 2016, Vol. 4, no. 3, pp. 93–110.
- Solodkin Y.G. Tajna «chronik» boyarina I. F. Mstislavskogo (K istorii chastechnogo letopisaniya v Rossii XVI v.) [The mystery of the ‘Chronicles’ of I. F. Mstislavsky: A history of private chronicles in 16th century Russia]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury* [The Works of the Department of Ancient Russian Literature at the Institute of Russian Literature]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2006, Vol. 57, pp. 945–949.
- Stepennaja kniga carskogo rodoslovija po drevnejshim spiskam.* [The book of royal degrees in ancient copies]. Vol. 2. Moscow: Jazyki slavjanskih kul’tur, 2008.
- Stepennaja kniga carskogo rodoslovija po drevnejshim spiskam. T. 3: Kommentarij.* [The book of royal degrees in ancient copies. Vol. 3: Commentary]. Compiled by G.D. Lenhoff. Moscow: Jazyki slavjanskih kul’tur, 2012.
- Trepavlov V.V. «Belyj car»: obraz monarha i predstavlenija o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. [‘White Tsar’: The monarch’s image and the idea of citizenship among the peoples of Russia from the 15th to the 18th centuries]. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 2017.
- Usachev A.S. *Stepennaja kniga i drevnerusskaja knizhnost’ vremeni mitropolita Makarija* [The book of royal degrees and old Russian book culture during the time of Metropolitan Makarii]. Moscow; St. Petersburg: Al’jans-Arheo, 2009.
- Usachev A.S. O vozmozhnyh prichinah nachala knigopechataniya v Rossii: predvaritel’nye zamechaniya [Possible reasons for the beginning of book printing in Russia: Some preliminary notes]. *Canadian-American Slavic Studies*, 2017, Vol. 51, no. 2–3, pp. 229–247.
- Usachev A.S. *Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannyh vygodnyh zapisej* [The writing of books in Russia in the 16th century: A study based on dated colophons]. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg: Al’jans-Arheo, 2018a.
- Usachev A.S. *Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannyh vygodnyh zapisej* [The writing of books in Russia in the 16th century: A study based on dated colophons]. Vol. 2. Moscow; St. Petersburg: Al’jans-Arheo, 2018b.
- Usachev A.S. Sostav zakazchikov rukopisnyh knig XVI v. i problemy formirovaniya russkoj voenno-sluzhiloj elity [The composition of customers ordering hand-written books dating to the 16th century and the issue of the Russian military elite formation]. *Drevnyaya Rus’*. *Voprosy medievistiki*, 2019a, no. 3(77), pp. 70–89.
- Usachev A.S. Knigopisanie i problemy social’no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii v XVI v. [Production of manuscripts and problems of social and economic development of Russia in the 16th century], *Rossijskaya istoriya*, 2019b, no. 6, pp. 180–201.
- Uspenskij B.A. Dualisticheskij harakter russkoj srednevekovoj kul’tury (na materiale «Hozhenija za tri morja» Afanasiya Nikitina) [The dualistic character of Russian medieval culture (Based on ‘A journey across three seas’ by Afanasy Nikitin)]. In: *Uspenskij B.A. Izbrannye trudy. T. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul’tury* [Selected works. Vol. 1: The semiotics of history. The semiotics of culture]. Moscow: Jazyki russkoj kul’tury, 1996, pp. 381–432.
- Filjushkin A.I. *Tituly russkih gosudarej* [Titles of Russian rulers]. Moscow; St. Petersburg: Al’jans-Arheo, 2006.

- Fletcher Dzh. *O gosudarstve russkom* [On the Russian state]. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina, 1906.
- Cherepin L.V. K voprosu o russkih istochnikah po istorii Florentijskoj unii [On the question of Russian sources on the history of the Florentine Union]. In: *Srednie veka* [The Middle Ages]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1964, Vol. 25, pp. 176–187.
- Martin, J. Tatars in the Muscovite army during the Livonian War. In: *The Military and Society in Russia, 1450–1917*. Leiden: Brill, 2002. pp. 365–387.